

*И.А. ШМЕРЛИНА*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1.

«ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ»: СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ

Аннотация. В статье представлено авторское видение процесса становления и развития «интерсубъективности» как понятия социально ориентированной мысли. Введенное в социогуманитарное знание феноменологией Э. Гуссерля данное понятие изначально содержало мощный социологический потенциал и было призвано на абстрактно-философском уровне объяснить существование социального порядка исходя из эгологической перспективы (перспективы субъекта, обладающего закрытой для других участников взаимодействия сферой сознания). Основная тенденция в постгуссерлевском изменении смыслового профиля понятия связана с постепенной утратой им метафизического потенциала, психологизацией и инструментализацией. Привнесенная социальной феноменологией А. Шюца в социологию интерсубъективность стала пониматься прагматически — как аксиоматически предпосланный атрибут «жизненного мира». В социальном конструктивизме П. Бергера и Т. Лукмана были реализованы конструктивистские смысловые валентности анализируемого концепта, и на этом он практически исчерпал свой первоначальный аналитический потенциал. Возобновление социологического интереса к данной категории связано с постклассической переориентацией внимания на многомерные, контекстуально обусловленные, не сводимые без остатка к субъекту интерактивные процессы порождения смыслов в ситуациях «жизненного мира». Дальнейшего рассмотрения требует вопрос о целесообразности возврата к гуссерлевским интуициям для выявления иных интерпретаций интерсубъективности, в том числе фокусирующихся на историческом течении социального процесса.

Ключевые слова: интерсубъективность; феноменология; трансцендентальное эго; жизненный мир; интеракционизм; Э. Гуссерль; А. Шюц; П. Бергер и Т. Лукман; энактивизм.

Для цитирования: Шмерлина И.А. «Интерсубъективность»: становление социально-феноменологического понятия // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 3. С. 35–59. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8423

Постановка проблемы.

Эпистемический статус понятия «интерсубъективность»

У концепта «интерсубъективность» в социологии — странный статус. С одной стороны, трудно не согласиться с тем, что интерсубъективность воплощает фундаментальные аспекты социальной жизни

и имеет ключевое значение для социального знания [33¹; 44; 40; 51 и др.]. Интерсубъективность часто трактуется как «синоним “социального”» [45], понятие, фиксирующее различные его аспекты и/или условия. «Должным образом осмысленная интерсубъективность может составить всеобъемлющую теоретическую рамку для размышлений о том, как люди интерпретируют, организуют и воспроизводят конкретные формы социальной жизни и социального познания», — подчеркивает А. Дуранти [40, р. 2]. Убежденные в важности данной проблематики исследователи выражают неудовлетворенность методологической глубиной ее проработки [44, р. 20] и настаивают на необходимости полноценной теории или даже «науки интерсубъективности» [51; 40; 38]; при этом некоторые видят симптомы появления подобной науки, говоря об «интерсубъективном повороте» в отдельных областях социального знания (в частности, в социальной когнитивистике) [38, р. 453].

С другой стороны, в утверждении, что «концепт интерсубъективности интригует социологов уже более полувека» [51, р. 40], содержится некоторая доля преувеличения — не столько в констатации самого явления, сколько в определении его «интересантов». Если говорить непосредственно о социологии, то, как это ни парадоксально, интерес к самому концепту здесь не выражен. Уже у А. Шюца интерсубъективность фактически выступает в роли аксиоматичного понятия, предпосланного социальному анализу, и в постшюцевскую социальную феноменологию данный концепт входит в статусе *интуитивно-как бы-доступных* понятий и не проблематизируется (прецеденты в виде отдельных работ, например [51], лишь оттеняют эту ситуацию). Однако интуитивная доступность понятия «интерсубъективность» обманчива и кажется таковой лишь на первый взгляд [6; 41, р. 206], при более пристальном рассмотрении оборачиваясь указанием на «что-то важное и не очень понятное» [1, с. 109]. В сегодняшней социологии интерсубъективность обозначает размытую сферу допущений, связанных с присутствием Другого в пространстве жизнедеятельности субъекта; различными аспектами, условиями и последствиями коммуникации Я и Ты; спонтанным порождением социальных смыслов и процессуальностью как сущностной чертой социальности. Между тем все перечисленное суть разные феномены, и маркирование их как «интерсубъективных» несколько не проясняет их специфику.

Терминологическая аморфность понятия «интерсубъективность» усугубляется тем, что в сегодняшней социогуманитарной мысли оно присутствует как полидисциплинарное. Наибольшую отзывчивость к данному концепту выказала психология, где он используется активно и плодотворно, охватывая все специализации этой науки — от биологически

¹ См., в частности, работу А. Шюца «Проблема трансцендентальной интерсубъективности у Гуссерля» из указанного сборника.

ориентированных (психофизиология, зоопсихология) до юридической психологии и менеджмента. Данный концепт используется и с той или иной глубиной погружения проблематизируется также в других научных и практических областях, в том числе в политологии и социально-политической философии, экономике (где сформировалось направление интерсубъективной экономики/экономической феноменологии), лингвистике, филологии, эстетике, математике, философии буддизма и др.² Воспринятое, в том или ином ракурсе, в самых разных областях социогуманитарного знания понятие интерсубъективности оказалось, как констатирует Н.М. Смирнова, концептом с «открытым горизонтом значений... [заданных] дисциплинарным контекстом» [23, с. 146].

Данная ситуация задает проблемное поле настоящего исследования. Его дизайн выстроен как *социологически фокусированный анализ истории становления и развития понятия «интерсубъективность»*. Базовое предположение, обосновывающее уместность подобного анализа, состоит в понимании интерсубъективности как концепта с изначально мощным и не утраченным в ходе междисциплинарных коллизий и при этом недореализованным социологическим потенциалом.

Поскольку речь в статье идет об истории становления понятия, корпус базовых текстов исследования ограничен работами, в которых интерсубъективность присутствует в статусе рабочей аналитической категории. Это объясняет, почему за рамками рассмотрения остались тексты, в которых проблематика совместности, получив глубокую философскую или методическую проработку, маркируется иными концептуальными средствами (в частности, работы М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, М. Бубера, Дж.Г. Мида, И. Гофмана, М. Бахтина, исследования по этнометодологии и конверсационному анализу и др.).

Гуссерлевские истоки

Проблематика интерсубъективности появляется в гуманитарном дискурсе как стержневая проблема феноменологии, решающей вопрос «о связи сознания и мира», об участии «конституирующей субъективности» «в конституировании объективного мира» [7, с. 155, 152–153]. В изначальной гуссерлевской постановке³ она форму-

² С выборочным списком литературы, содержащей трактовки интерсубъективности в разных научных областях, можно ознакомиться в электронном Приложении к статье по адресу: URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/8423/8222>

³ Считается, что понятие интерсубъективности введено в современную философию Э. Гуссерлем. А.П. Огурцов полагает это мнение «предрассудком», обращая внимание на то, что данное понятие «было выдвинуто Р. Карнапом ... в связи с разработкой аналитической философии науки» [19, с. 236]. Как бы то ни было, социогуманитарное знание восприняло данное понятие преимущественно в феноменологической — гуссерлевской — версии.

лировалась как проблема трансцендирования индивидуального Я, то есть возможности появления в горизонте трансцендентального Эго понятия Другого. О логической нереализуемости этой идеи со времен А. Шюца написано достаточно. Важно отметить два обстоятельства, повлиявших на восприятие и последующее развитие идей Гуссерля. Первое — это неустранимая субъектоцентричность проекта Гуссерля, что в дальнейшем определило психологизацию тематики интересубъективности как в плане того методологического русла, в котором она преимущественно разрабатывается, так и в плане соответствующих дисциплинарных смещений⁴. Уместно заметить, что первоначально Гуссерль говорил не о феноменологии, а о «дескриптивной психологии», Шюц называл проект Гуссерля «феноменологической психологией» (см. [34, с. 175, 177], впрочем, он применял этот термин также к собственному проекту [34, с. 228]), а известный феноменолог Д. Захави отозвался о Гуссерле как о «великом нераспознанном психологе» [7, с. 151].

Однако взятое в подобном ракурсе философское творчество Гуссерля вряд ли спровоцировало бы столь напряженный обществоведческий интерес к нему. Второе обстоятельство, без которого понимание феноменологии Гуссерля будет неполным и неадекватным, связано с попытками преодолеть эголизм и выйти за рамки субъекта. Эти попытки, несмотря на их принципиальную неосуществимость в его феноменологии, оказались чрезвычайно плодотворны для последующего движения социальной мысли.

Сама идея трансцендентального эго амбивалентна по своему существу и отражает стремление расширить горизонты индивидуального сознания, оставляя его в границах индивидуального опыта, «своего фено-

⁴ Речь прежде всего идет о смещении в разнообразные области психологического знания, что выражается как в огромном числе публикаций, посвященных проблематике интересубъективности (несопоставимым с интересом к ней в других дисциплинарных сферах), так и в напряженности теоретико-методологических усилий по выявлению природы интересубъективности, ее точных терминологических границ, генезиса, уровней, эмпирических признаков и операциональных определений. В дисциплинарном пространстве психологии понятие интересубъективность выступает не только как предмет теоретико-познавательного анализа, но и как инструмент практически ориентированной психологии, включая психоанализ, психиатрию, психотерапию и психологические аспекты общей терапевтической практики, педагогическую психологию и психологию труда. Вопрос о смысле/смыслах, которые данное понятие приобрело в различных регионах психологии, разумеется, требует отдельного исследования, однако в целом преемственность с феноменологией Гуссерля несомненна. Выборочную подборку психологической литературы по интересубъективности см. в электронном Приложении к статье.

мена мира»⁵. Дж. Ритцер приводит тонкое замечание Мэри Роджерс о том, что феноменологическая философия Гуссерля «была нацелена внутрь, на понимание трансцендентального эго и... направляла его вовне, к рассмотрению интерсубъективности» [21, с. 91–92]. Побуждение преодолеть или, по крайней мере, смягчить эгологичность изначальной феноменологической конструкции выразилось, как предполагают исследователи его работ, в выдвигании Гуссерлем на позднем этапе творчества концепта *жизненного мира*⁶, сместившего фокус внимания к иным, выходящим за пределы онтологии рефлексизирующего субъекта аспектам интерсубъективности. Современная феноменология фиксирует в работах Гуссерля процесс «имманентного самопреодоления эгологии» (выражение Э. Финка, цит. по: [25, с. 207]) и, как отмечает Л. Тенгели, предлагает «новую интерпретацию трансцендентализма... взгляд, согласно которому трансцендентализм не нужно понимать исключительно как философское обращение к субъективности», но как «трансцендентальный набросок мира» [27, с. 145], в котором центральная роль принадлежит «событию опыта, а не субъективной конституции» [26, с. 242]. По мнению А.П. Огурцова, на основе категории интерсубъективности Гуссерль совершает попытку выйти за границы картезианского субъекта к некоему «варианту социально-коммуникативной онтологии» [19, с. 236].

⁵ Весьма показательна в этом отношении фраза Гуссерля, которую часто цитируют в литературе: «...в себе самом, в рамках своей трансцендентально редуцированной чистой жизни сознания, я обладаю опытом мира совместно с Другими... не в качестве своего, так сказать, приватного синтетического формообразования, но в качестве чужого мне мира, в качестве интерсубъективного мира, существующего для каждого, и мира, доступного для каждого в отношении своих объектов. И все же каждый обладает своим опытом, своими явлениями и являющимися единствами, своим феноменом мира...» [5, с. 119].

⁶ Данный концепт остается, на наш взгляд, одним из наиболее противоречивых и недостаточно исследованных в феноменологии Гуссерля (в ракурсе предпосланности жизненного мира не научному познанию, а интерсубъективному опыту субъекта). Стоит обратить внимание на замечание А.С. Ивановой о том, что идея «жизненного мира», определившая позицию позднего Гуссерля, была, по всей видимости, инспирирована Шюцем (его важная в этом отношении работа «Смысловое строение социального мира» «выходит в 1932 г., то есть до появления “Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии”», где Гуссерлем ставится проблема *Lebenswelt*» [8, с. 20]). Однако было бы слишком большим упрощением видеть в данном концепте отказ Гуссерля от своего первоначального эгологического проекта и обращение к «царству изначальных очевидностей» [4, с. 175] или к предпосланному индивидуальному сознанию миру всеобщего социального и культурного опыта человечества. *Жизненный мир* Гуссерля — это скорее некая изначальная дорефлексивная данность, имманентно присутствующая в сознании субъекта, — «царство» «анонимной субъективности» [4, с. 154–156], в котором, как предлагает Иванова, можно видеть сферу «изначальной совместности бытия человека» [9, с. 136].

Как бы то ни было, при всех попытках разомкнуть границы индивидуального сознания интерессубъективность у Гуссерля все же апеллирует к субъекту, открывающему в себе, посредством феноменологической редукции, трансцендентальное Я; «интерсубъективность конституируется в Я»⁷ [18, с. 92]. Это задает фундаментальную интригу теоретической конструкции Гуссерля, центрированной на эго, но находящейся под напряжением сугубо социологической проблемы существования мира других. Как замечает А. Дуранти, эта проблема («как объяснить формирование и существование сообщества, если исходить из индивидов (то есть монад)») занимала Гуссерля почти всю его творческую жизнь [40, р. 10].

Гуссерлевский вариант феноменологии, который можно охарактеризовать как экзистенциально-эпистемологическую проблематизацию феномена совместного существования и который в своей исходной философской постановке оказался неразрешимым, был радикально переосмыслен А. Шюцем в плоскости социальной феноменологии, что означает принципиальную смену дисциплинарных горизонтов — выведение проблематики в пространство социологии.

Дальнейшее развитие интерессубъективности как философско-феноменологического концепта, весьма активно воспринятое социологической мыслью, связано прежде всего с именами М. Мерло-Понти и Ю. Хабермаса. Первый сместил семантический центр тяжести данного концепта на тело (развивая телесные мотивы, присутствующие уже у Гуссерля, и заложив основы исследовательских программ социологии тела и энактивизма), второй — на язык. Как замечает С.В. Шачин, теория коммуникативного действия Хабермаса фактически является реализацией идеи интерессубъективности [32]. Стоит, однако, заметить, что сама по себе эта идея и соответствующий концепт не относятся к темам, которые Хабермас считает нужным специально обсуждать. Это является вполне логичным следствием воспринятых им установок шютцевской феноменологии, в которой интерессубъективность присутствует одновременно и как имманентное свойство «жизненного мира» («интерсубъективно разделяемый *жизненный мир* образует фон для коммуникативных действий» [30, с. 8]), и как *достигаемое* взаимопонимание: участники коммуникативных действий приходят (должны прийти) к «консенсусу, основывающемуся на интерессубъективном

⁷ Это довольно трудный момент в интерпретации эволюции взглядов Гуссерля, содержащий противоречие с отмеченным выше движением от эгологии к жизненному миру. Однако, как показано выше, сам жизненный мир, по Гуссерлю, — это отнюдь не самоочевидный внешний мир в его «объективной», не зависящей от субъекта данности; он возникает как «самообъективации трансцендентальной субъективности и ее бытия, ее конститутивной жизни» (цит. по: [22, с. 358]). Тезис о том, что «все для меня существующее может черпать свой смысл бытия исключительно из меня самого, из сферы моего сознания» [5, с. 191], остается краеугольным камнем феноменологии Гуссерля при всех смысловых акцентуациях, которыми сопровождалось ее развитие.

признании притязаний на значимость» [31, с. 15] (характерно, что понятие «интерсубъективность» часто встроено Хабермасом именно в этот оборот — «интерсубъективное признание»). Как подчеркивает С. де Квинси, главная забота Хабермаса — «интерсубъективная коммуникация, ориентированная на взаимопонимание» [39, р. 145].

Цикличность подобного хода рассуждений послужила для некоторых исследователей основанием для вывода о бесперспективности хабермасовской интерпретации интерсубъективности (см., например: [51, р. 49–50]). Однако заметим, что этот уязвимый момент вообще в той или иной мере характерен для работ, исходящих из конструктивистской перспективы интерсубъективности. В этой логике интерсубъективность не определяется в категориях «до» или «после», но «всегда встроена в матрицу или контекст взаимно созидающих интерсубъективностей» [39, р. 150]. По Ю. Хабермасу, внутреннее «Я» всегда интерсубъективно, потому что возникает из сети интерсубъективных отношений, которые устанавливаются «в коммуникативном действии между Я и Другим» [31, с. 10]. Идея интерсубъективности, заключает Э.Б. Минуллина, растворяется у Хабермаса в «коммуникативной онтологии», которая «позволяет рассмотреть интерсубъективность как бытие-в-речи, предопределяющее формирование “Я” и “другого”» [15, с. 118]. В этом смысле можно говорить о постмодернистских мотивах в трактовке Хабермасом интерсубъективности как отчасти десубъективизированной сущности (как замечает С.В. Лещев, «модерн держится за величие самосознающего субъекта; для Хабермаса субъективность есть в модусе “между”: интерсубъективность; постмодерн элиминирует субъекта полностью» [12]).

Интерсубъективность и объективность

Если один аспект философской проблематики интерсубъективности нацелен на разгадку социальности индивидуального сознания, то другой аспект связан с осмыслением ее как критерия достоверного представления субъекта об «объективно сущем». Эта проблема имеет два варианта постановки. Первый возвращает в гуссерлевскую феноменологию, второй выводит в плоскость философии науки.

Вопрос о соотношении интерсубъективности и объективности не имеет в классической феноменологии однозначного решения. Принято считать, что у Гуссерля «объективность и интерсубъективность соизначальны (co-original)» [29, с. 87], по сути, тождественны [18, с. 86; 3]). Однако важно заметить, что Гуссерля интересует не вопрос о первичности этих сущностей, а процесс многоступенчатого конституирования «объективного мира ...на основе моего исходно-первичного мира» [5, с. 137]. Объективный мир Гуссерля, безусловно, «сущностно связан с интерсубъективностью», однако все же не сводим к ней: он сохраняется «как идея, как идеальный коррелят интерсубъективного... опыта» [5, с. 139]. Интерсубъективность, как в целом можно понять из «Картезианских размышлений», служит продвижению к объективному

миру в тех пределах, которые положены трансцендентальному сознанию («мой исходно-первичный мир» «становится явлением некоторого определенного *объективного* мира как одного и того же мира для каждого, включая и меня самого» [5, с. 138])⁸.

В целом, в рамках собственно феноменологического осмысления intersубъективности проблема объективности уходит на задний план, будучи производной от более фундаментальной проблемы принятия Другого в качестве непреложного факта действительности. Это само по себе уже снимает «призрак солипсизма» [33, с. 49, 216] и дальнейшие сомнения в существовании остального внешнего мира — просто потому, что, по логике Гуссерля и Шюца, таких сомнений не испытывают другие. У Шюца intersубъективность, по сути, заменяет собой объективный мир, и в целом эта эпистемологическая проблематика, коль скоро закрыты ее философские горизонты, утрачивает у него свою остроту. Нет сомнений в том, что понятия intersубъективности и объективности «со-фундаментальны, поскольку речь идет о предположении жизненного мира в естественной установке» [33, с. 92], как и нет сомнений в том, что «объективный мир полностью конституируется только через intersубъективность» [33, с. 20].

Закрепив проблематику intersубъективности на твердой почве обыденного «жизненного мира», Шюц закладывает основы социально-конструктивистской программы, развернувшейся (масштабным, однако, как отмечают многие исследователи, не вполне убедительным образом) в знаменитой работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [2]⁹. Объективность, intersубъективность и сам жизненный мир оказываются слиты, а солипсистская перспектива заменяется конструктивистской. Фактически Шюц намечает контуры онтологического решения, в котором упрекает трансцендентальную феноменологию: «Объяснение сознательной жизни становится субститутом чего-то, к чему феноменология принципиально неспособна, а именно учреждения онтологии на основе процессов субъективной жизни» [33, с. 83].

Таким образом, intersубъективность утвердилась в феноменологическом проекте как выход к Другому в ситуации «жизненного мира», а объективность — как развитие «коммуникативного “горизонтально-

⁸ А. Шюц, по-видимому, существенно упрощал эту линию рассуждения у Гуссерля, когда упрекал последнего в цикличности (см. [33, с. 91]).

⁹ В ходе детально прописанного в этой работе процесса социального конструирования реальности происходит, по удачному выражению Вал.А. Лукова и Вл.А. Лукова, «своеобразное... придумывание... окружающего нас мира» [14, с. 32], а придумать, казалось бы, можно что угодно, вплоть до внедрения пантеона охотничьих богов в сельскохозяйственную общину (см. [2, с. 115, 119]).

го” вектора интерсубъективности» и дополнение его «“вертикальным” вектором», связанным с «переживанием мира» [15, с. 118].

Другая линия проработки темы интерсубъективности в философии — линия Р. Карнапа, с которой начинал сам Гуссерль, — связана с утверждением интерсубъективности как критерия надежности результатов научного познания. Для Карнапа, как и для Гуссерля, объекты науки суть интерсубъективные объекты [18, с. 67; 22, с. 383]. Взятая в этом ракурсе интерсубъективность ведет к конвенциональности, общезначимости, совпадению индивидуальных интерпретаций, выработке общего понимания в результате научной коммуникации. Этот научно-эпистемологический ракурс часто кладут в основу самой дефиниции интерсубъективности, определяя последнюю как независимость данных познания от личностных свойств познающего [11, с. 170; 17; 54, р. 52]. Понятая таким образом интерсубъективность замыкается на выдвинутой К. Поппером идее «интерсубъективной проверки» и сводится к проблеме метода [20, с. 251] или, в более широком плане, к принципам и ценностям научного познания.

Слишком настойчивое проведение этой линии, сближающей объективность и интерсубъективность, превращает второе в своего рода субститут первого. Очевидно, однако, что независимость от опыта и зависимость от коллективного опыта (то есть общезначимость) — далеко не одно и то же. Критике отождествления интерсубъективности и объективности и поиску приемлемых форматов использования интерсубъективности как средства достижения объективности посвящен большой пласт философских работ (см., в частности, [46; 35; 49; 18]).

Очевидно, что постановка вопроса об интерсубъективности в ракурсе объективности (или, напротив, об объективности в ракурсе интерсубъективности) принципиально отлична для естественно-научного и социально-научного знания. В естественно-научной сфере, в которой продвижение к объективной истине связано с преодолением влияния субъекта, интерсубъективность в пределе превращается в «бес-субъектность» (см.: [15]). В гуманитарной сфере, где субъект ни технически, ни сущностно не элиминируем, а интерсубъективность понимается как сам способ существования социальной реальности, вопрос состоит в том, на какой дистанции от психологии интенционального субъекта может быть понята эта реальность. Одной из метазадач Гуссерля было утверждение этой дистанции. Шюц, как будет показано далее, существенно сократил ее.

«Интерсубъективность»

в социально-феноменологическом проекте А. Шюца

Социологический проект феноменологии заложен, как подчеркивают многие авторы, уже Гуссерлем. «Социальность, — пишут С. Овергаард и Д. Захави [50, р. 96], — представляет собой центральную тему феноменологии». По мнению А.С. Ивановой, «социальная проблематика не есть частное обнаружение теории Гуссерля, не-

кий “побочный продукт”, но в определенном смысле ее сердцевина» [20, с. 703]. С. Овергаард и Д. Захави обращают внимание на то, что Гуссерль «иногда называет свой проект социологической трансцендентальной философией... и утверждает, что полная разработка трансцендентальной философии с необходимостью предполагает переход от эгологической к трансцендентально-социологической феноменологии» [50, р. 96]. Этот переход, причем с полным избавлением от контекста трансцендентальности, совершил, как известно, А. Шюц. Парадоксальным образом опираясь на Гуссерля и при этом радикально уплощая («натурализуя» или «детрансцендируя» [51, р. 47]) исходную феноменологическую проблематику, он выводит интерсубъективность из искусственных рамок сознания трансцендентального эго в пространство совместно проживаемого, реального, повседневного, обыденного «жизненного мира». Этот решительный удар по «гордиеву узлу» феноменологической психологии перевел феноменологию в целом и интерсубъективность в частности в другое дисциплинарное поле — поле социологии.

Если отрицательное решение, лежащее в основе шюцевской феноменологии в отношении интерсубъективности, достаточно однозначно и понятно (и сводится к признанию бессмысленности попыток вывести интерсубъективный мир как мир Другого из интенциональных потуг индивидуального сознания), то в отношении позитивного смысла обыденной интерсубъективности появляются вопросы. Существует мнение, что Шюц понимал интерсубъективность в терминах социализации, и в этом отношении его иногда противопоставляют Дж. Г. Миду [42; 47]¹⁰. Между тем тексты А. Шюца дают не менее, если не более, аргументов в пользу примордиальной версии интерсубъективности, причем как в субъектоцентричном (интерсубъективность — врожденное свойство субъекта), так и в холистском варианте (интерсубъективность — исходное свойство «жизненного мира»; впрочем, этот вариант присутствует у Шюца скорее как логически возможная экстраполяция идеи «жизненного мира», нежели четко артикулированная позиция). Некоторые несостыковки и противоречия в шюцевских представлениях о природе интерсубъективности объяснимы, если принять во внимание его базовую теоретико-методологическую позицию, в значительной степени фундированную прагматизмом и направляющую

¹⁰ По-видимому, больше оснований в пользу не противопоставления, а сопоставления этих близких по духу направлений, особенно если учесть несомненное влияние Мида на теоретические воззрения Шюца. По мнению Филиппсона, «феноменологический анализ интерсубъективности подтверждает, расширяет и углубляет выдвинутые Мидом положения относительно социальной природы “я”. Совпадение точек зрения символического интеракционизма и феноменологии в этом вопросе может служить основой для синтеза обеих традиций» [28, с. 215–216].

внимание на то, «что действительно происходит в мире повседневной социальной жизни» [33, с. 97–98], и позволяющую, таким образом, вынести за скобки сюжеты, не имеющие отношения к этой реально протекающей повседневности.

Если «для Гуссерля интерсубъективность была преимущественно теоретической, а не практической проблемой» [40, р. 10], то в социологии Шюца она теряет свой теоретический потенциал и вследствие этого вообще перестает быть проблемой (в гуссерлевском смысле). Для Шюца интерсубъективность есть нерелегируемо ощущаемая связь с другими, «мы-отношение» (см., например: [33, с. 75])¹¹, что принципиально меняет, по сравнению с гуссерлевским, фокус рассмотрения данного феномена. Интерсубъективность для Шюца есть неотъемлемое свойство жизненного мира, она относится к исходным параметрам «моего мира как данного мне в качестве мира для каждого» [33, с. 95], не подвергаемым сомнению ни человеком, живущим в этом мире, ни социальными теоретиками. Дана ли интерсубъективность *извне* — как некое метафизическое качество этого мира или она заложена *внутри* — в природе человека, не суть важно (при том что Шюц, конечно, тяготеет ко второму решению). В социологии Шюца интерсубъективность «не требует объяснения»: «Не требует объяснения ни тот факт, что мир... является миром для всех нас, ни тот факт, что мое переживание мира а priori обращается на Других» [33, с. 83].

Если вспомнить то фундаментальное значение, которое Шюц придавал интерсубъективности, называя ее «базисом всей социальной науки» [33, с. 82], нетрудно прийти к заключению, что в его социологии данное понятие/феномен принадлежит области аксиоматики — базовых предпосылок теории, которые внутри нее не рассматриваются и не доказываются: «...существенное отношение интерсубъективности... считается... само собой разумеющимся и принимается без вопросов как данность» [33, с. 82]. Шюца интересует не интерсубъективность как таковая, но «теория понимания Другого в мире, интерсубъективность которого можно было бы уже считать само собой разумеющейся — например, в мире повседневной жизни, как она переживается в естественной установке» [33, с. 62]. Поэтому противоречия в трактовке интерсубъективности, обнаруживаемые в шюцевских текстах, предстают не столько как небрежности, сколько как следствие особого видения социального мира, расширяющего дистанцию между Гуссерлем и Шюцем и уводящего последнего еще дальше в сторону социологизма. Вместо «жизненного мира» Гуссерля, рассматриваемого

¹¹ Наряду с «мы-отношением», возникающим в ситуации общения лицом-к-лицу с конкретным *спутником*, Шюц вводит понятие «они-отношение», или «они-ориентации», возникающие между мной и анонимными *современниками* (см. работу Шюца «Аспекты социального мира», раздел 3 «Мир современников как структура типизации» [33, с. 132–154]).

из проекции неизменного в своей сущности трансцендентального эго, возникает живой, событийно насыщенный «жизненный мир» Шюца, участники которого непрерывно решают практические задачи текущей жизнедеятельности и тем самым воспроизводят свою интересубъективную природу. Социальный мир не дан иначе, кроме как в конструктивной деятельности его участников. В целом шюцевское понимание интересубъективности можно, на наш взгляд, квалифицировать как соединение биологически фундированного эссенциализма (заставляющего вспомнить, что «человеческие существа рождены матерями» [34, с. 59]) с конструктивистской парадигмой.

Принято считать, и это, как нам представляется, справедливое мнение, что А. Шюц в значительной мере психологизировал социологическую проблематику. В этом можно видеть неизбежное следствие стремления выйти из герменевтического круга, присущего всем попыткам выстроить интересубъективность из конструктивистской перспективы (где конструируемая реальность по умолчанию предполагает предварительное наличие некоторых ресурсов для ее строительства), к более прочным эссенциалистским основаниям интересубъективности — тем «опциям» (сознание/психика/тело), которыми располагает субъект-актор. У Шюца интересубъективность выступает как нечто внутренне присущее индивиду, а именно, она заложена во врожденной способности индивида к эмпатии: «...эмпатия ведет к конституированию интересубъективной объективности вещей и людей как физиопсихологических единств» [33, с. 20]. В целом вопрос, вокруг которого выстраивается социология Шюца, — «как вообще возможны взаимное понимание и коммуникация как таковые» [34, с. 177] — формулируется в плоскости «феноменологической психологии», позволяющей отнести «понятия значения, мотивов, целей или действий к определенным структурам сознания» [34, с. 177–179]. Шюц даже ставит вопрос о социологии как об «интенциональной психологии», сориентированной на изучение смысловых структур обыденного мира в понятиях «обыденной интересубъективности» [34, с. 198].

Психологизация феноменологического проекта была следствием самого дизайнера шюцевской социологии, которая создавалась как феноменологическая доработка концепции понимания М. Вебера. Шюц, наследуя Гуссерлю в плане главной интриги исследования, лишает ее трансцендентального измерения и переформулирует как проблему понимания Другого (как замечает В. Райх [51, р. 40], «Шюц... провел большую часть своей профессиональной жизни, пытаясь решить “загадку, как человек может понять своего ближнего”»). В ходе этой феноменологической доработки, как показано П. Степанцовым [24], понимание смысла действия было сведено Шюцем к пониманию мотивов действующего. В этом же ракурсе интересовала Шюца и интересубъективность: «Прототипом всякой социальной связи является интересубъективное сочленение мотивов» [33, с. 108].

Этот очевидный интерес Шюца к «интерсубъектному мотивационному контексту» [34, с. 881] часто оценивают как сильный момент его теории¹². Однако понимание Другого в психологическом (мотивационном) плане — не тема социологии. Понимание, заявленное М. Вебером как социологическое понятие, есть понимание смысла социального действия и мотивации в их идеально-типическом, но не индивидуально-психологическом воплощении. Как точно заметил Райх, «урок, который следует извлечь из Парсонса, состоит в том, что мы должны конвертировать психологическую проблему ментальной непрозрачности в социологическую проблему социальной координации» [51, р. 55].

Исходя из вышесказанного, вряд можно оспорить мнение о наличии в социологии Шюца психологической и в целом субъектоцентричной доминанты. В то же время квалифицировать феноменологию Шюца как «социологический субъективизм» было бы если не «ошибочным истолкованием» [8, с. 18], то, во всяком случае, односторонним представлением его объемного социологического проекта, заложившего основы целого спектра перспективных социологических направлений, воплотивших идеи «фоновое знание» и рутинных практик, процессуальной онтологии и деятельностного порождения смыслов, так или иначе реализующих исходную интуицию «жизненного мира».

«Детрансцендировав» проблему интерсубъективности, Шюц придал ей статус аксиоматического допущения социальной феноменологии. Основные задачи последней связаны теперь не с выяснением природы, предпосылок, условий и прочих аспектов интерсубъективности, но с выявлением способов понимания людьми друг друга и придания смысла окружающему миру. У П. Бергера и Т. Лукмана интерсубъективность превратится в вопрос о способах конструирования социального мира.

«Интерсубъективность» в социально-конструктивистской феноменологии П. Бергера и Т. Лукмана

После А. Шюца тема интерсубъективности в социологии в ее непосредственной, категориально центрированной постановке если не оказалась полностью исчерпанной, то, во всяком случае, утратила на

¹² Многие исследователи подчеркивают ключевое значение сюжета о мотивах действия для шюцевского анализа интерсубъективности (см., среди прочих, [55; 51; 8; 10]), что согласуется с представлениями самого Шюца. Он подчеркивал, что «социальные вещи понимаемы только в том случае, если они могут быть сведены к человеческой деятельности, а человеческая деятельность становится понимаемой только при демонстрации ее для-того-чтобы и потому-что мотивов» [33, с. 107]. Любопытно заметить, что, судя по замечанию самого Шюца, наименование этих мотивов он заимствовал «из замечательной работы, посвященной» его теории (а именно: Stonier A., Bode K. A New Approach to the Methodology of the Social Sciences // *Economica*. 1937, November. P. 406–424) [33, с. 105].

какое-то время свою напряженность и плавно перешла в проблематику, сложившуюся в зоне интерпретативистских и конструктивистских концепций.

Прямые наследники шюцевской феноменологии П. Бергер и Т. Лукман концепт интересубъективности не проблематизируют и используют весьма редко. Для них это синоним повседневности, сотканной из совместного существования многих людей. В «Социальном конструировании реальности» эта линия, как и многие другие сюжеты, излишне упрощена, что обеспечило данной работе, с одной стороны, широкую популярность, а, с другой — заслуженную критику¹³. Мы, однако, обратили бы внимание на использование Бергером и Лукманом концепта «интерсубъективность» в контексте рассуждений о седиментации¹⁴ совместного опыта [2, с. 113–119], что позволяет рассматривать интересубъективность как механизм формирования социального знания. Дальнейшим уместным, на наш взгляд, шагом была бы проблематизация вопроса о том, перспективно ли моделировать этот механизм с процесса эмерджентного порождения смыслов в пространстве повседневного жизненного мира или он имеет менее однозначную конфигурацию.

Таким образом, в процессе движения феноменологического проекта проблема интересубъективности от гуссерлевской постановки вопроса о ней как о проблеме *выведения Другого* из перспективы трансцендентального Эго сместилась к вопросу о *понимании смысла и мотивов действий Другого* в перспективе прагматически понятого «жизненного мира» и далее — к идеям конструирования *вместе с Другим* общего интересубъективного мира. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что на работе Бергера и Лукмана тема интересубъективности как таковая в социологии практически исчерпалась и плавно перешла в тематику

¹³ Так, действительно, попытка представить конструирование «интерсубъективного повседневного мира» [2, с. 38] как восходящий процесс объективации социальных смыслов, стартующий от ситуации встречи двух существ человеческого рода, наполнена явными противоречиями. Концепция Бергера — Лукмана представляет собой характерный пример научной «робинзонады» — «привычки... вычленять изолированный объект, придавая ему в дальнейшем значение общей модели» [13, с. 250]. С одной стороны, два «робинзона» начинают конструировать социальный мир с нуля, внося в него все смыслы, которые считают необходимыми, с другой — они пришли «из совершенно разных социальных миров» и уже «сформировали свои Я, что, конечно, могло произойти лишь в социальном процессе» [2, с. 94]. На этом все построение рассыпается, и становится очевидна его тавтологичность: два индивида уже привнесли с собой всю социальность, включая институты.

¹⁴ Данный термин, как указывает Шюц, введен Гуссерлем и означает «наличный комплекс знаний, который... конституировался в предыдущей переживающей деятельности нашего сознания и с ее помощью, и результат этой деятельности теперь стал нашим обычным достоянием» [33, с. 320–321].

социального конструирования реальности. Сама трактовка данного концепта в дальнейшем зачастую стала звучать в конструктивистском духе¹⁵.

«Интерсубъективность» в современной социальной феноменологии

Современным социологам недостает в классической феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца прежде всего «подлинно интерактивной перспективы» [51, р. 55]. Если у Гуссерля и в определенной степени у Шюца интерсубъективность выступала, по сути, примордиальным онтологическим основанием социального бытия (к какой бы специфической онтологии ее ни относить), то в последующих исследованиях она начинает трактоваться как состояние, которое тем или иным образом достигается в процессах взаимодействия (и, в крайнем варианте, оценивается в нормативных категориях) и которое может быть утрачено или разрушено. При этом интерес смещается с результатов совместной интерпретации и/или конструирования общего мира к самим процессам взаимодействия, к коммуникативным практикам и механизмам, посредством которых достигается взаимопонимание, и структурам, при этом возникающим.

Преемственность с Э. Гуссерлем в этих исследованиях утрачивается, однако она сохраняется по отношению к классикам феноменологической социологии. Социальная феноменология в версиях А. Шюца и П. Бергера и Т. Лукмана заложила широкое поле интерпретативных, интеракционистских и конструктивистских идей и интуиций, воплотившихся в последующих проработках понятия интерсубъективности. В значительной степени эти влияния были опосредованы постфеноменологическими направлениями, не развивавшими тему интерсубъективности непосредственно, но близкими ей концептуально и методологически, — такими как этнометодология и конверсационный анализ. Показателен диагноз М. Флахерти, выделившего в качестве доминирующих тенденций современной феноменологии, во-первых, «решительный эмпирический поворот», во-вторых, «панинтеракционизм» («феноменологическая социология оказалась поглощенной панинтеракционизмом») и, в-третьих, теоретическую эклектичность, соединяющую в одном исследовании элементы «эмпирически фундированной феноменологии..., символического интеракционизма, гофмановского микроструктурализма и этнометодологии» [42, р. 229–231].

Авторы новейших социологически ориентированных исследований, придерживающиеся интеракционистского направления, проводят дифференцированный анализ интерсубъективности, выделяя структуральную и процессуальную его ветви [36; 53]. Первую соотносят с этнометодологией, конверсационным анализом и драматургической

¹⁵ См., например: «Интерсубъективность. Термин, используемый главным образом в феноменологической социологии для обозначения взаимного конституирования социальных отношений» [48].

социологией И. Гофмана. Для исследований этого направления характерен интерес к лингвистической «архитектуре intersубъективности»¹⁶, к выявляемым конврсационным анализом структурам/механизмам взаимопонимания, которые обеспечиваются не смыслополагающей деятельностью акторов, но самим ходом речевого взаимодействия [52; 43; 51; 44 и др.]. Эти работы хорошо отражают генеральную тенденцию в осмыслении проблемы intersубъективности, связанную с переводом ее из разряда философских абстракций в плоскость конкретных, наблюдаемых событий. Тенденция конкретизации intersубъективности как предмета эмпирического анализа и соответствующая фокусировка на проблемах метода, вплоть до постановки задачи операционализации данного понятия [53], задают общую почву для социологических и психологических подходов к ее изучению.

Вторая, процессуальная, линия интеракционистского тренда в анализе intersубъективности воплощается в относительно новом направлении социогуманитарной мысли — энактивизме. Сложившееся в когнитивистике оно имеет выраженную тенденцию сближения с социологической проблематикой. По словам одного из лидеров данного направления Де Джегер, энактивизм «попал в зазор между социологией и когнитивной наукой, потому что одна традиционно... интересовалась в основном социокультурными нормами и организацией, а другая — в основном индивидуальным познанием» [36, р. 1]. Данная исследовательская перспектива интегрирует идею телесной воплощенности взаимодействий, реляционную методологию, акцентирующую моменты ситуационности и процессуальности, и конструктивистский ракурс рассмотрения социальной реальности. Соответствующим образом, отвечающим характерным тенденциям постклассической социологии, здесь трактуется и intersубъективность — как совместное производство смыслов, которые не предзаданы ни в индивидуально-субъектном, ни во внесубъектном смысле, но формируются в процессе взаимодействия.

Заключение

Введенное в социогуманитарное знание феноменологии Э. Гуссерля понятие «intersубъективность» несло в себе смысловое напряжение, складывающееся между полюсом субъекта и трансцендентальными основаниями социального порядка. За этой крайне отвлеченной постановкой проблемы нетрудно различить осевую дилемму социологической мысли, связанную с выбором между субъектно-центрированной и внесубъектной методологией анализа социальных феноменов. Не дав разрешения загадке intersубъективности,

¹⁶ В знаковой работе Рагнара Ромметвейта “On the architecture of intersubjectivity” (см. сборник: *Social psychology in transition* / Ed. by L. Strickland. New York: Plenum Press, 1976. P. 201–214) в основу концепции intersубъективности кладется понятие пролепсиса в значении речевых структур, предвосхищающих последующий ход взаимодействия.

феноменология Э. Гуссерля удерживала, однако, продуктивный баланс между полюсами эго и «жизненного мира», в значительной степени нарушенный в последующих исследованиях. Дальнейшее движение концепта «интерсубъективность» связано с утратой им изначального метафизического потенциала и постепенного «заземления» в онтологической и методической плоскостях, что вылилось в психологизацию и инструментализацию рассматриваемого понятия. А. Шюц, осуществивший радикальное детрансцендирование «интерсубъективности», замкнул данное понятие на проблему психологического понимания Другого, а П. Бергер и Т. Лукман раскрыли его конструктивистские валентности. Тем самым первоначальный потенциал анализируемого концепта оказался исчерпанным. Привнеся исторически значимый вклад в утверждение субъективистской методологии как основы социологического теоретизирования, «интерсубъективность» на время ушла с авансены важнейших социологических категорий, обретя свое «аутентичное место» в домене психологических исследований.

Сегодня можно констатировать возрождение теоретико-социологического интереса к данной категории, происходящее прежде всего в рамках энактивистского направления (то есть фактически на периферии социологического знания). Отвечающий постклассическому взгляду на социальный мир энактивизм трактует интерсубъективность как механизм интерактивного, процессуального, контекстуально обусловленного, не сводимого без остатка к субъекту производства социальных смыслов в ситуациях «жизненного мира». Несмотря на то что тем самым достаточно полно эксплицируется социологический потенциал анализируемого концепта, изначально гуссерлевская постановка проблемы «интерсубъективности» содержит возможность иных интерпретаций, вводящих исторические горизонты социального процесса¹⁷, и это оставляет поднятую здесь тему открытой для последующих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисов А.М.* Логика интерсубъективного цитирования // *Философский журнал.* 2008. № 1. С. 109–132.

¹⁷ Трансцендентально-исторические горизонты гуссерлевского концепта «интерсубъективность» показаны в ряде философских работ, см., в частности: *Борисов Е.* «Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля» (*Логос.* 1999. № 1 (11). С. 65–83 [электронный ресурс]. Дата обращения 17.03.2021. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_05.htm#_ftn1), а также: *Неретина С., Огуцов А.* «Онтология процесса. Процесс и время» (М., 2014); *Савин А.Э.* «Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля» (Ханты-Мансийск, 2008); *Бузский М.П.* «Интерсубъективность как свойство культурно-символической формы» (*Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 7. Философия.* 2015. № 1 (27). С. 6–14).

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. — 323 с.
3. Борисов Е. Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля // Логос. 1999. № 1 (11). С. 65–83 [электронный ресурс]. Дата обращения 17.03.2021. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_05.htm#_ftn1
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004. — 398 с.
5. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010. — 229 с.
6. Дубровский Д.И. Интерсубъективность в научном и массовом сознании // Интерсубъективность в науке и философии / Отв. ред. Н.М. Смирнова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014. С. 203–225.
7. Захави Д. Трансцендентальная феноменология, интенциональность и субъективность // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 150–155.
8. Иванова А.С. Методологическая программа обоснования социогуманитарного знания А. Шюца // Гуманитарные науки. 2013. № 4 (12). С. 12–20.
9. Иванова А.С. Влияние феноменологического проекта Э. Гуссерля на социальную теорию. Часть 2 // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 136–147.
10. Иванова А.С. Постнеклассическая социальная теория: феноменологический подход // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 5. С. 700–706. DOI: 10.5281/zenodo.1246748
11. Калинин В.В. Интерсубъективность // Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и отв. ред. В.С. Малахов, В.П. Филатов. М.: ТОН-Остожье, 1998. С. 170–171.
12. Лецев С.В. Интерсубъективность и коммуникативное действие (неокантианство и постмодернизм прагматики Ю. Хабермаса) // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 165–175. [электронный ресурс]. Дата обращения 17.03.2021. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=720
13. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб., 2000. С. 149–390.
14. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. — 784 с.
15. Миннулина Э.Б. Интерсубъективность как бытие-в-речи в пространстве жизненного мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10. Ч. 2. С. 115–119.
16. Михайлов И.А. Интерсубъективность как проблема науки и феноменологии. Тезисы к обсуждению на конференции «Интерсубъективность – Коммуникация – Наука» (СПб., май 2008) // Textarchive.ru [электронный ресурс]. Дата обращения 17.03.2021. URL: <https://textarchive.ru/c-1488064.html>
17. Нарский И. Интерсубъективность // Философская энциклопедия. В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970

- [электронный ресурс]. Дата обращения 17.03.2021. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/articles/417/intersubektivnost.htm>
18. Огурцов А.П. Интерсубъективность как поле философских исследований // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Вып. 1 (34). С. 58–69.
 19. Огурцов А.П. Интерсубъективность как проблема философии науки // *Философия науки и техники*. 2009. Т. 14. С. 235–246.
 20. Поннер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. / Пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. Т. 2. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992. — 525 с.
 21. Ритцер Дж. Современные социологические теории / [Пер. с англ.: А. Бойков, А. Лисицына]. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. — 688 с.
 22. Слинин Я.А. Кризис европейского человечества: в чем он состоит и какие средства предлагает Эдмунд Гуссерль для его преодоления // Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 359–384.
 23. Смирнова Н.М. Концепт интерсубъективности в структурах междисциплинарного синтеза // *Философия науки*. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 145–163.
 24. Степанцов П. Социальное действие между интерпретацией и пониманием // *Социология власти*. 2013. № 1–2. С. 27–56.
 25. Тенгели Л. Феноменология и категории опыта // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2012. Т. 1 (2). С. 201–219.
 26. Тенгели Л. Интервью с профессором Ласло Тенгели. Часть I // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2012. Т. 1 (2). С. 232–247.
 27. Тенгели Л. Интервью с профессором Ласло Тенгели. Часть II // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2013. Т. 2 (1). С. 143–156.
 28. Филипсон М. Феноменологическая философия и социология // *Новые направления в социологической теории*. [Пер. с англ.: Л.Г. Ионин; Вст. ст.: Л.Г. Ионин, Г.В. Осипов; Общ. ред.: Г.В. Осипов]. М.: Прогресс, 1978. С. 204–272.
 29. Финк Э. Комментарии Э. Финка к очерку Альфреда Шютца «Проблема трансцендентальной интерсубъективности у Гуссерля» (Royumont, April 28, 1957) // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перев. Г.С. Батыгин. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 84–88.
 30. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // *Социологическое обозрение*. 2008. Т. 7. № 1. С. 3–24.
 31. Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // *Социологическое обозрение*. 2008. Т. 7. № 3. С. 3–33.
 32. Шачин С.В. Коммуникативная теория разума Юргена Хабермаса и ее применение к некоторым психологическим темам // *Культурно-историческая психология*. 2012. № 1. С. 34–46.

33. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перев. Г.С. Батыгин. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.
34. *Шютц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. — 1056 с.
35. *Bermejo-Luque L.* Second order intersubjectivity: the dialectical dimension of argumentation // *Argumentation*. 2010. Vol. 24 (1). P. 85–105.
36. *De Jaegher H., Peräkylä A., Stevanovic M.* The co-creation of meaningful action: bridging enaction and interactional sociology // *Philosophical Transactions of The Royal Society B. Biological Sciences*. 2016. Vol. 371. Iss. 1693. Article 20150378. DOI: 10.1098/rstb.2015.0378
37. *De Jaegher H., et al.* Grasping intersubjectivity: an invitation to embody social interaction research // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2017. Vol. 16. Iss. 3. P. 491–523. DOI 10.1007/s11097-016-9469-8
38. *De Jaegher H.* The intersubjective turn // *The Oxford handbook of 4E cognition* / Ed. by A. Newen, L. De Bruin, S. Gallagher. Oxford, UK: Oxford University Press, 2018. P. 453–468. DOI: 10.1093/oxford-hb/9780198735410.001.0001
39. *De Quincey C.* Intersubjectivity: exploring consciousness from the second-person perspective // *The Journal of Transpersonal Psychology*. 2000. Vol. 32. No. 2. P. 135–155.
40. *Duranti A.* Husserl, intersubjectivity and anthropology // *Anthropological Theory*. 2010. Vol. 10. No. 1. P. 1–20. DOI: 10.1177/1463499610370517
41. *Fabian J.* Ethnography and intersubjectivity: loose ends // *Journal of Ethnographic Theory*. 2014. Vol. 4. No. 1. P. 199–209. DOI: 10.14318/hau4.1.008
42. *Flaherty M.G.* Phenomenology // *The New Blackwell companion to social theory* / Ed. by B.S. Turner. Chichester (UK); Malden, MA (USA): Wiley-Blackwell, 2009. P. 218–234. DOI: 10.1002/9781444304992.ch11
43. *Fugelli P., Lahn L.C., Mørch A.* Shared prolepsis and intersubjectivity in open source development: Expansive grounding in distributed work // *Proceedings of the 2013 conference on Computer supported cooperative work (February 23–27, 2013, San Antonio, TX, USA)*. P. 129–143 [online]. Accessed 16.03.2021. URL: <https://www.researchgate.net/publication/262364640>
44. *Gillespie A., Cornish F.* Intersubjectivity: towards a dialogical analysis // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2009. Vol. 40. No. 1. P. 19–46. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2009.00419.x
45. Intersubjectivity // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Encyclopedia.com [online]. Accessed 16.03.2021. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/applied-and-social-sciences-magazines/intersubjectivity>
46. *Kvale S.* Ten standard objections to qualitative research interviews // *Journal of Phenomenological Psychology*. 1994. Vol. 25. No. 2. P. 147–183. DOI: 10.1163/156916294X00016

47. *Leadbeater B.J.* Between subjects: shared meanings of intersubjectivity // Paper presented at the National Biennial Meeting of the Society for Research in Child Development (21st, Kansas City, MO, April 27–30, 1989), 1989. — 11 p. [online]. Accessed 11.09.2021. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED312082.pdf>
48. *Marshall G.* Intersubjectivity // A Dictionary of Sociology. Encyclopedia.com [online]. Accessed 16.03.2021. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/intersubjectivity>
49. *Nordmann A.* Another parting of the ways: Intersubjectivity and the objectivity of science // Studies in History and Philosophy of Science. 2012. Vol. 43. No. 1. P. 38–46. DOI: 10.1016/j.shpsa.2011.10.005
50. *Overgaard S., Zahavi D.* Phenomenological sociology: The Subjectivity of everyday life // Encountering the everyday: An introduction to the sociologies of the unnoticed / Ed. by M.H. Jacobsen. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 93–115. DOI: 10.1007/978-1-137-01976-9_4
51. *Reich W.* Three problems of intersubjectivity — and one solution // Sociological Theory. 2010. Vol. 28. Iss. 1. P. 40–63. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2009.01364.x
52. *Sidnell J.* The architecture of intersubjectivity revisited // The Cambridge Handbook of Linguistic Anthropology / Ed. by N. Enfield, P. Kockelman, J. Sidnell. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 364–399. DOI: 10.1017/CBO9781139342872.018
53. *Stevanovic M., Koski S.E.* Intersubjectivity and the domains of social interaction: proposal of a cross-sectional approach // Psychology of Language and Communication. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 39–70. DOI: 10.2478/plc-2018-0003
54. *Unger M.P.* Intersubjectivity, hermeneutics, and the production of knowledge in qualitative Mennonite scholarship // International Journal of Qualitative Methods. 2005. Vol. 4. No. 3. P. 50–62. DOI: 10.1177/160940690500400304
55. *Vaitkus S.* How is society possible? (Intersubjectivity and the fiduciary attitude as problems of the social group in Mead, Gurwitsch, and Schutz). Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1991. — viii, 208 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Телефон: +7 (499) 120-82-57. Электронная почта: shmerlina@yandex.ru

Дата поступления: 23.03.2021.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.
VOL. 27. No. 3. P. 35–59. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8423

Research Article

IRINA A. SHMERLINA¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, building 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

“INTERSUBJECTIVITY”:**THE EMERGENCE OF A SOCIO-PHENOMENOLOGICAL CONCEPT**

Abstract. The article outlines the author’s vision of the formation and development of “intersubjectivity” as a concept of socially oriented thought. Introduced into socio-humanitarian knowledge by E. Husserl’s phenomenology, this notion initially possessed powerful sociological potential and was called to explain on an abstract-philosophical level the existence of social order from an egological perspective (which is the perspective of a subject with a sphere of consciousness that other participants of interaction have no access to). The main tendency inherent to the post-Husserlian change in the concept’s semantic profile is linked to the gradual loss of its metaphysical potential, as well as its psychologization and instrumentalization. Intersubjectivity — which is something that was brought into sociology by A. Schütz’s social phenomenology — gained a pragmatic interpretation, effectively becoming an axiomatically presupposed attribute of the “life world”. Constructivist semantic valences of the analyzed concept were implemented in the social constructivism of P. Berger and T. Lukman, and at this point said concept had pretty much exhausted its initial analytical potential. The reinvigoration of sociological interest towards this category is associated with a postclassical redirection of attention towards interactive processes of generating meanings within situations of the “life world”, processes that are multidimensional, conditioned by context and cannot be fully reduced to just the subject. The matter of whether returning to Husserl’s intuitions is appropriate demands further consideration, in order to consider other interpretations of intersubjectivity, including those that focus on the historical course of the social process.

Keywords: intersubjectivity; phenomenology; transcendental ego; life world; interactionism; E. Husserl; A. Schütz; P. Berger and T. Lukman; enactivism.

For citation: Shmerlina, I.A. “Intersubjectivity”: the Emergence of a Socio-Phenomenological Concept. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 3. P. 35–59. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8423

REFERENCES

1. Anisov A.M. The intersubjective citation logic. *Filosofskii zhurnal*. 2008. No. 1. P. 109–132. (In Russ.)
2. Berger P., Lukman T. The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge. [Russ. ed.: *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya.*] Transl. from Eng. by E. Rutkevich. Moscow: Medium publ., 1995. 323 p.
3. Borisov E. The problem of intersubjectivity in E. Husserl’s phenomenology. *Logos*. 1999. No. 1 (11). P. 65–83 Accessed 17.03.2021. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_05.htm#_ftn1 (In Russ.)
4. Husserl E. The crisis of the European sciences and transcendental phenomenology: An introduction to phenomenological philosophy. [Russ. ed.: *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu.*] Transl. from Germ. by D.V. Sklyadnev. St Petersburg: Vladimir Dal’ publ., 2004. 398 p.
5. Husserl E. Cartesian Meditations. [Russ. ed.: *Kartezianskie meditatsii.*] Transl. from Germ. by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii proekt publ., 2010. 229 p.]
6. Dubrovskii D.I. *Intersubjectivity in scientific and mass consciousness. Intersub'ektivnost' v nauke i filosofii.* [Intersubjectivity in science and philosophy.] Ed. by N.M. Smirnova. Moscow: Kanon+ publ., ROOI “Reabilitatsiya” publ., 2014. P. 203–225. (In Russ.)
7. Zakhavi D. Transcendental phenomenology, intentionality and subjectivity. *Voprosy filosofii*. 2017. No. 10. P. 150–155. (In Russ.)
8. Ivanova A.S. Methodological program of substantiation of socio-humanitarian knowledge by A. Schütz. *Gumanitarnye nauki*. 2013. No. 4 (12). P. 12–20. (In Russ.)

9. Ivanova A.S. Influence of the phenomenology of Husserl on social theory. Ch. 2. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2017. Vol. 22. No. 2. P. 136–147. (In Russ.)
10. Ivanova A.S. Post-non-classical social theory: a phenomenological approach. *Byulleten' nauki i praktiki*. 2018. Vol. 4. No. 5. P. 700–706. DOI: 10.5281/zenodo.1246748 (In Russ.)
11. Kalinichenko V.V. Intersubjectivity. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar'*. [Modern western philosophy: A dictionary.] 2nd ed. Select. and ed. by V.S. Malakhov, V.P. Filatov. Moscow: TON-Ostozh'e publ., 1998. P. 170–171. (In Russ.)
12. Leshchev S.V. Intersubjectivity and communicative action (neokantianism and postmodernism of J. Habermas' pragmatics). *Voprosy filosofii*. 2013. No. 3. P. 165–175. Accessed 17.03.2021. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=720 (In Russ.)
13. Lotman Yu.M. Inside the thinking worlds. *Semiosfera*. [Semiosphere.] St Petersburg: Iskusstvo – SPB publ., 2000. P. 149–390. (In Russ.)
14. Lukov Val.A., Lukov Vl.A. *Tezaurusy: Sub'ektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya*. [Thesauruses: The subject organization of humanitarian knowledge.] Moscow: Izd-vo Nats. in-ta biznesa publ., 2008. 784 p. (In Russ.)
15. Minnullina E.B. Intersubjectivity as being-in-speech in the space of the life world. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art studies. Questions of theory and practice.] Tambov: Gramota publ., 2013. No. 10. Ch. 2. P. 115–119. (In Russ.)
16. Mikhailov I.A. Intersubjectivity as a problem of science and phenomenology. Abstracts for discussion at the conference “Intersubjectivity-Communication-Science” (St. Petersburg, May 2008). *Textarchive.ru*. Accessed 17.03.2021. URL: <https://textarchive.ru/c-1488064.html> (In Russ.)
17. Narskii I. Intersubjectivity. *Filosofskaya Entsiklopediya*. [Philosophical Encyclopedia.] In 5 Vols. Ed. by F.V. Konstantinov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya publ., 1960–1970. Accessed 17.03.2021. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/articles/417/intersubektivnost.htm> (In Russ.)
18. Ogurtsov A.P. Intersubjectivity as a field of philosophical research. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2007. Iss. 1 (34). P. 58–69. (In Russ.)
19. Ogurtsov A.P. Intersubjectivity as a problem of the philosophy of science. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2009. Vol. 14. P. 235–246. (In Russ.)
20. Popper K. The open society and its enemies. [Russ. ed.: *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*. In 2 Vols. Transl. from Eng. and ed. by V.N. Sadovskii. Vol. 2. Moscow: Kul'turnaya initsiativa publ.; Feniks publ., 1992. 525 p.]
21. Rittser Dzh. Modern sociological theory. [Russ. ed.: *Sovremennye sotsiologicheskie teorii*. Transl. from Eng. by A. Boikov, A. Lisitsyna. 5th ed. St Petersburg: Piter publ., 2002. 688 p.]
22. Slinin Ya.A. The crisis of European humanity: what it consists of and what means Edmund Husserl offers to overcome it. Husserl E. The crisis of the European sciences and transcendental phenomenology: An introduction to phenomenological philosophy. [Russ. ed.: *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu*. Transl. from Germ. by D.V. Sklyadnev. St Petersburg: Vladimir Dal' publ., 2004. P. 359–384.]
23. Smirnova N.M. The concept of intersubjectivity in the structures of interdisciplinary synthesis. *Filosofiya nauki. Vyp. 19. Epistemologiya v mezhdistitsiplinarnykh issledovaniyakh*. [Philosophy of science. Issue 19. Epistemology in interdisciplinary research.] Moscow: IF RAN publ., 2014. P. 145–163. (In Russ.)
24. Stepantsov P. Social action between interpretation and understanding. *Sotsiologiya vlasti*. 2013. No. 1–2. P. 27–56. (In Russ.)
25. Tengeli L. Phenomenology and categories of experience. *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya*. 2012. Vol. 1 (2). P. 201–219. (In Russ.)

26. Tengeli L. Interview with Professor Laszlo Tengeli. Part I. Horizon. *Fenomenologicheskie issledovaniya*. 2012. Vol. 1 (2). P. 232–247. (In Russ.)
27. Tengeli L. Interview with Professor Laszlo Tengeli. Part II. Horizon. *Fenomenologicheskie issledovaniya*. 2013. Vol. 2 (1). P. 143–156. (In Russ.)
28. Filipson M. Phenomenological philosophy and sociology. *Novye napravleniya v sotsiologicheskoi teorii*. [New directions in sociological theory.] Transl. from Eng. by L.G. Ionin; Foreword by L.G. Ionin, G.V. Osipov; Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Progress publ., 1978. P. 204–272. (In Russ.)
29. Fink E. Fink's comments on Alfred Schütz's essay "Problems of Transcendental intersubjectivity in Husserl" (Royumont, April 28, 1957). Schütz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii*. [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology.] Select. by A.Ya. Alkhasov; Transl. from Eng. by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova; Ed. by G.S. Batygin. Moscow: In-t Fonda "Obshchestvennoe mnenie" publ., 2003. P. 84–88. (In Russ.)
30. Khabermas Yu. Relations to the world and rational aspects of action in the four sociological concepts of action. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2008. Vol. 7. No. 1. P. 3–24. (In Russ.)
31. Khabermas Yu. Problems of understanding meaning in the social sciences. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2008. Vol. 7. No. 3. P. 3–33. (In Russ.)
32. Shachin S.V. Jurgen Habermas' communicative theory of mind and its application to some psychological themes. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2012. No. 1. P. 34–46. (In Russ.)
33. Schütz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii*. [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology.] Select. by A.Ya. Alkhasov; Transl. from Eng. by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova; Ed. by G.S. Batygin. Moscow: In-t Fonda "Obshchestvennoe mnenie" publ., 2003. 336 p. (In Russ.)
34. Schütz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom*. [Selected: A world that glows with meaning.] Transl. from Eng. and Germ. Moscow: ROSSPEN publ., 2004. 1056 p. (In Russ.)
35. Bermejo-Luque L. Second order intersubjectivity: the dialectical dimension of argumentation. *Argumentation*. 2010. Vol. 24 (1). P. 85–105.
36. De Jaegher H., Peräkylä A., Stevanovic M. The co-creation of meaningful action: bridging enaction and interactional sociology. *Philosophical Transactions of The Royal Society B. Biological Sciences*. 2016. Vol. 371. Iss. 1693. Article 20150378. DOI: 10.1098/rstb.2015.0378
37. De Jaegher H. et al. Grasping intersubjectivity: an invitation to embody social interaction research. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2017. Vol. 16. Iss. 3. P. 491–523. DOI 10.1007/s11097-016-9469-8
38. De Jaegher H. The intersubjective turn. *The Oxford handbook of 4E cognition*. Ed. by A. Newen, L. De Bruin, S. Gallagher. Oxford, UK: Oxford University Press, 2018. P. 453–468. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198735410.001.0001
39. De Quincey C. Intersubjectivity: exploring consciousness from the second-person perspective. *The Journal of Transpersonal Psychology*. 2000. Vol. 32. No. 2. P. 135–155.
40. Duranti A. Husserl, intersubjectivity and anthropology. *Anthropological Theory*. 2010. Vol. 10. No. 1. P. 1–20. DOI: 10.1177/1463499610370517
41. Fabian J. Ethnography and intersubjectivity: loose ends. *Journal of Ethnographic Theory*. 2014. Vol. 4. No. 1. P. 199–209. DOI: 10.14318/hau4.1.008
42. Flaherty M.G. Phenomenology. *The New Blackwell companion to social theory*. Ed. by B.S. Turner. Chichester (UK); Malden, MA (USA): Wiley-Blackwell, 2009. P. 218–234. DOI: 10.1002/9781444304992.ch11

43. Fugelli P., Lahn L.C., Mørch A. Shared prolepsis and intersubjectivity in open source development: Expansive grounding in distributed work. *Proceedings of the 2013 conference on Computer supported cooperative work (February 23–27, 2013, San Antonio, TX, USA)*. P. 129–143. Accessed 16.03.2021. URL: <https://www.researchgate.net/publication/262364640>
44. Gillespie A., Cornish F. Intersubjectivity: towards a dialogical analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2009. Vol. 40. No. 1. P. 19–46. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2009.00419.x
45. Intersubjectivity. *International Encyclopedia of the Social Sciences. Encyclopedia.com*. Accessed 16.03.2021. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/applied-and-social-sciences-magazines/intersubjectivity>
46. Kvale S. Ten standard objections to qualitative research interviews. *Journal of Phenomenological Psychology*. 1994. Vol. 25. No. 2. P. 147–183. DOI: 10.1163/156916294X00016
47. Leadbeater B.J. Between subjects: shared meanings of intersubjectivity. *Paper presented at the National Biennial Meeting of the Society for Research in Child Development (21st, Kansas City, MO, April 27–30, 1989)*, 1989 — 11 p. Accessed 11.09.2021. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED312082.pdf>
48. Marshall G. Intersubjectivity. *A Dictionary of Sociology. Encyclopedia.com*. Accessed 16.03.2021. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/intersubjectivity>
49. Nordmann A. Another parting of the ways: Intersubjectivity and the objectivity of science. *Studies in History and Philosophy of Science*. 2012. Vol. 43. No. 1. P. 38–46. DOI: 10.1016/j.shpsa.2011.10.005
50. Overgaard S., Zahavi D. Phenomenological sociology: The Subjectivity of everyday life. *Encountering the everyday: An introduction to the sociologies of the unnoticed*. Ed. by M.H. Jacobsen. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 93–115. DOI: 10.1007/978-1-137-01976-9_4
51. Reich W. Three problems of intersubjectivity — and one solution. *Sociological Theory*. 2010. Vol. 28. Iss. 1. P. 40–63. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2009.01364.x
52. Sidnell J. The architecture of intersubjectivity revisited. *The Cambridge Handbook of Linguistic Anthropology*. Ed. by N. Enfield, P. Kockelman, J. Sidnell. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 364–399. DOI: 10.1017/CBO9781139342872.018
53. Stevanovic M., Koski S.E. Intersubjectivity and the domains of social interaction: proposal of a cross-sectional approach. *Psychology of Language and Communication*. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 39–70. DOI: 10.2478/plc-2018-0003
54. Unger M.P. Intersubjectivity, hermeneutics, and the production of knowledge in qualitative Mennonite scholarship. *International Journal of Qualitative Methods*. 2005. Vol. 4. No. 3. P. 50–62. DOI: 10.1177/160940690500400304
55. Vaitkus S. *How is society possible? (Intersubjectivity and the fiduciary attitude as problems of the social group in Mead, Gurwitsch, and Schutz)*. Dordrecht, Boston, L.: Kluwer Academic Publishers, 1991. viii, 208 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Shmerlina — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Phone: +7 (499) 120-82-57. **Email:** shmerlina@yandex.ru

Received: 23.03.2021.
